

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В БЕЛАРУСИ В 1993–1996 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМЕЙНОГО АРХИВА)

Введение. В последнее время одним из ведущих направлений исторической науки стала история повседневности, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, бытовых контекстах, «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [1]. В статье предпринята попытка реконструкции повседневной жизни в Беларуси в 1993–1996 гг. через призму истории одной семьи на основе документов из личного архива автора.

В 1984–1996 годах я, коренной гомельчанин, жил и работал (сначала один, потом с семьей) в Мичуринске Тамбовской области старшим преподавателем, затем заведующим кафедрой в Плодоовощном институте (ныне аграрный университет). Родители-пенсионеры жили в Гомеле. За это время я написал домой 608 писем, которые мама и папа бережно сохранили. Родительские письма я, к сожалению, не сохранил (по крайней мере, мне так казалось). И вот, разбирая семейный архив, моя жена Надя обнаружила письма родителей в Мичуринск за 1993–1996 годы, всего 122 письма за 3,5 года. Значит, хотя и с большим опозданием, мы осознали значимость этой переписки. И вот возникла идея еще раз посмотреть на 1990-е годы взглядом наших родителей.

Итак, попытаемся вернуться более чем на 20 лет назад, в 1993-й год. Начнем с политической жизни, хотя она была уже далеко не на первом месте в приоритетах родителей, но по-прежнему привлекала внимание.

Особенно часто об идеологических и политических сюжетах писал мой папа. Он, например, рассказывал о дискуссиях со своим товарищем еще со школьной скамьи Сашей (Александром Ефимовичем) Семеновым, который поддерживал коммунистов, яростно ругал тогдашние власти, Ельцина и Шушкевича и ратовал за возвращение к социализму. Папа писал: «Да, переход к иным формам жизни очень сложен для старшего поколения, да и для молодежи не легок. Но имела ли наша страна нормальную экономику, ориентированную на человека? По-моему, нет. Экономика была основана на содержании огромной армии, милитаризации. И уровень жизни отсюда был настолько низок, что несравним с цивилизованными странами» [2, письмо от 09.05.93]. Вместе с тем, «раньше не было таких братоубийственных войн, не было столько смертей, столько беженцев. Неужели путь к подлинной демократии лежит только через кровь, искусственное разделение страны, столетиями существовавшей как единое государство с тесными не только экономическими, но и родственными связями?» [2, письмо от 07.11.93].

Политический процесс в Беларуси, да и в России, вызывал у родителей изрядный скепсис: «Программы хорошие мы принимать умеем, а вот как они выполняются?» [2, письмо от 09.05.93]. «В Беларуси у нас сейчас в Верховном Совете бардак и базар. Даже писать противно, тем более слушать перепалку по поводу участия в экономическом союзе, коллективной безопасности, по поводу отставки Шушкевича» [2, письмо от 29.06.93]. «Все выступают, все правы, все за народ. Но никто не сказал, в чем причина разрухи, обнищания народа, войн, беженцев, разъединения Союза вопреки воле народа на референдуме. Много вопросов, мало ответов» [2, письмо от 08.12.93]. Так думали тогда, наверное, многие.

С тревогой следили родители за противостоянием в России президента и парламента, тем более что в России жили дети и внуки. В этом конфликте они, как и мы, поддерживали Ельцина как «меньшее зло», не питая по отношению к нему никаких симпатий. Во время печально известных событий начала октября 1993 года папа писал: «Последнюю неделю переживали за россиян, за Москву, а в ночь мятежа вообще не спали, до 5.30 утра смотрели экстренный выпуск «Вестей», эмоциональную речь Ахеджаковой, яркое выступление Боровика, призыв Гайдара к москвичам выйти на улицу для защиты демократии и призыв Любимова, наоборот, всем сидеть дома. Те-

перь выясняются подробности этих трагических дней: растерянность руководства, колебания армии, беспомощность милиции...» [2, письмо от 10.10.93]. Я, кстати, хорошо помню ту ночь, которую мы тоже провели у телевизора. Запомнилось и выступление Александра Любимова, которое я сгоряча расценил чуть ли не как проявление трусости и предательство. Чуть позже я понял, что Любимов заботился о жизни людей, которые могли погибнуть в столкновении политических элит, и пытался предотвратить перерастание конфликта в гражданскую войну.

Конечно, на первом плане у людей стояли отнюдь не политические вопросы, а проблемы повседневной жизни. А жизнь была тяжелой, трудной. Многие промышленные предприятия «лежали». Так, в Гомеле медленно, но верно умирал радиозавод, в советское время работавший на оборону и космос. Рабочие, чтобы выжить, превратились в коробейников, покупая здесь товары и продукты, чтобы продать их в России. Более молодые и предприимчивые отправлялись в Польшу, добирались до Турции. Среди наших знакомых кого-то уволили, кого-то сократили, кто-то находился в отпуске без содержания или работал неполный день...

Жилье практически не строилось. А, между тем, как выяснил папа, мотаясь по городу на велосипеде по делам ветеранов электротехнического завода, многие люди продолжали жить в ужасных условиях в деревянных бараках без всяких удобств. И еще одна примета «лихих 90-х»: рост преступности, грабежи, убийства, разборки криминальных кланов. Оказалось, что по засилию мафии Гомель чуть ли не итальянская Сицилия. Вот и рядом с нашим домом, выходящим на Привокзальную площадь, была стрельба с убитыми и ранеными. Как позже выяснилось, Гомель терроризировали банды «пожарников» и «морозовцев».

Цены стремительно росли (по подсчетам мамы, они выросли в 12 раз за год!), зарплаты и пенсии за ними явно не поспевали. Многие продукты и товаров на прилавках не было (сыр, сливочное масло, рыба и почему-то шариковые ручки, зато были ручки «Паркер»). К тому же продукты сметались и россиянами, приезжавшими в Гомель на специальных автобусах. Чтобы купить относительно дешевой свинины, продававшейся в магазине для ветеранов, родители стояли в очереди 5 (пять!) часов. Со временем продуктов в магазинах стало больше. Людям, воспитанным на тотальном советском дефиците, в диковинку было наблюдать в свободной продаже 8–10 сортов колбас, корейку, балык, заморские фрукты... Все можно было купить, были бы деньги, и немалые. Но денег не было. Оставалось только наблюдать. «Живем вприглядку», – писал папа.

В этих условиях каждый выживал, как мог: кто-то выносил на рынок нехитрый скарб, чтобы «заработать на хлеб и молочишко», как выражался мой тесть Иван Николаевич, кто-то сам пек хлеб, кто-то при глажке нагревал уют над газом, кто-то пришивал старые чулки к трусам и получались колготки, кто-то за неимением сливочного масла изготавливал «американский» жир (желающим могу списать рецепт). Не говорю уже о почти всеобщем увлечении самогонарением. А мои родители после очередного повышения цен решили покупать белые батоны раз в неделю, в воскресенье, «вместо пирожных».

А еще всех напрягала неопределенность. «Жизнь сейчас кошмар, – писала моя теща Татьяна Моисеевна. – Сегодня день прожили, завтра не знаем, что будет... Загнали белорусов в угол – не пикнешь» (письма родителей жены не датированы – А.А.). И все-таки наши родители не унывали. Папа после ухода на пенсию еще 15 лет работал во вневедомственной охране. Надины родители, живя в частном доме, кормились с приусадебного участка, держали свинку. Жить было непросто, тем не менее родители пытались помочь детям и внукам, жившим в России: то они разыскивали резиновые сапожки и халатик для Даши, то покупали тенниску и игрушечный автомат для Феди. Нельзя без слез читать строки из письма Татьяны

Моисеевны: «Передаем тебе, Надюша, сорочку в подарок, 2 баночки тушенки, 2 кусочка мыла и твой крем «Медок». Мы, в свою очередь, отправляли из Мичуринска в Гомель саженцы, картошку, помидоры, смородину, а также то, что удавалось «достать» в Москве.

Несмотря на все проблемы, родители жили полноценной жизнью. Папа много занимался общественной работой, помощь другим доставляла ему радость: то он ехал с продуктами и лекарствами за 50 км к безному инвалиду, то организовывал во дворе детскую спортивную площадку, то доставал бесплатные билеты в цирк для детей работников завода, то находил продукты по льготным ценам. И очень не любил, когда мама называла их «стариками», хотя на двоих родителям было за 140.

Родители старались не отставать от культурной жизни. В их письмах упоминаются прочитанные книги («Белые одежды» Дудинцева, сборник произведений Высоцкого, современная французская новелла), фильмы («81/2» Феллини), концерты (вечер, посвященный основателю Гомельского дворца графу Румянцеву, кстати, на реконструкцию дворца они перечисляли деньги). Что вызывает восхищение, так это приверженность родителей здоровому образу жизни: делали зарядку, принимали контрастный душ, устраивали разгрузочные дни, папа бегал, а вдвоем с мамой они ходили гулять. Вот описание одной такой прогулки: «В 5.30 вышли на прогулку. Утро чудесное, солнечное, бодрящее. Перешли по мосту на ту сторону Сожа. Трава зеленая, в росе, блестит на солнце. Пошли вдоль реки. Слушали трели соловьев, кваканье лягушек – уже начали свои весенние разговоры, спугнули двух куропаток – вспорхнули чуть ли не из-под ног. Где-то далеко далеко куковала кукушка. Шли мимо озер до соснового леса. Вода тихая, в ней, как в зеркале, отражается зелень луга и листва склонившихся деревьев. Обратно возвращались леском, солнце уже было выше, появились комарики. А птицы заливались все сильнее...» [2, письмо от 09.05.93]. Хорошо бы всем нам научиться так радоваться жизни, неброской красотой окружающего мира!

И следующий, 1994-й год, был для нашей семьи (родителей в Гомеле и нас в Мичуринске) непростым (да и были ли легкие годы в последние 30 лет у всех нас?).

Больше всего волновал родителей постоянный рост цен («вальс этикеток», как кто-то когда-то остроумно заметил) и отсутствие стабильности. «Живем в страхе: что будет завтра?», – писала Надина мама. Многие в Гомеле, в том числе наши родственники и знакомые, были безработными, причем по 1-2 года, многие работали за гроши, получая зарплату ниже прожиточного уровня. Распространилась практика выдачи зарплаты продукцией предприятий или товарами, полученными по бартеру. По стране растекалась масса коробейников, пытающихся сбить кастрюли, унитазы, кофточки. Многие спивались, участились случаи самоубийств (один такой случай, когда покончил с собой 20-летний парень, описал в своем письме папа).

Все время ходили разговоры о создании единой рублевой зоны с Россией, что рассматривалось как панацея от всех социально-экономических бед: ведь «зайчик» стремительно дешевел: 1 к 2, 1 к 6, наконец, 1 к 12 по отношению к российскому рублю. Но рублевая зона так и не состоялась (может, оно и к лучшему?). Во второй половине года была проведена деноминация белорусского рубля, но рост цен это не остановило, но даже, как считают родители, подстегнуло. По-прежнему то одни, то другие продукты периодически исчезали с прилавков магазинов, за самым элементарным приходилось стоять в очередях по несколько часов.

Неотъемлемой частью гомельского пейзажа стал в эти годы так называемый «проспект Кравчука», который тянулся от вокзала до рынка. Сотни украинских (и белорусских тоже) «челноков» торговали здесь всем, чем угодно: от сала и орехов до японских телевизоров и компьютеров. Городские власти неоднократно закрывали с помощью ОМОНА этот стихийный базар, но он каждый раз возрождался подобно птице Феникс. Гомельские пенсионеры находили здесь продукты и товары значительно дешевле, чем в магазинах, а многим приходилось и самим торговать нехитрым скарбом.

Пенсионеры были тогда (да и сейчас) одним из самых уязвимых слоев общества. Нельзя сказать, что для них ничего не делалось. Пенсии не раз повышались, но не поспевали за ростом цен. В нескольких специальных магазинах ветераны, отстояв в длинной очереди, могли купить какие-то продукты чуть дешевле. Помогали пенсионерам и их предприятия: кому подбрасывали иногда денег, кому доставалась гуманитарная помощь, кому по льготным ценам продавали муку, крупу, сахар, масло. И, тем не менее, уровень жизни

населения снизился на порядок. Простой пример: родители подсчитали, что на мамину пенсию до перестройки можно было купить 50 кг вареной колбасы, то теперь – только 5. Разница – в 10 (десять!) раз.

Все это сказывалось на настроениях людей: на смену либеральным, демократическим взглядам приходила растерянность, ностальгия по Советскому Союзу. Папа писал: «Чувствуем себя дураками в этой дурацкой жизни. Ведь жизнь-то ненормальная. Или все, что происходит – это так и должно быть? Что, мы хотим, такого общества, как на Западе, с наркоманией, детской преступностью, половой распущенностью и т. д.? При всех недостатках прежнего общества люди жили в мире, и жили лучше, чем теперь. Разве можно теперь пойти в кино? И что смотреть? А цены? Опять в магазинах пропало масло. Жди подорожания. А поездки на море, на Кавказ, в Крым, в санатории, дома отдыха? Я уж не говорю, сколько не сотен, а тысяч жизней унесла перестройка. И виноваты в этом не столько Горбачев, сколько Ельцин, который вместе с Шушкевичем и Кравчуком развалили мировую державу, чтобы сбросить Горбачева и самим стать удельными князьями» [2, письмо от 11.04.94].

Папа поддерживал связи со своими однокурсниками, которые жили по всему Советскому Союзу. Вот что ему писали из Еревана: «Что эти подонки сделали с нашей державой: сильной, могучей, дружной? Растащили на составные части, обворовали свои народы, государство. Нас обворовали, наверное, больше всех. За душой ни хрена нет: зарплата + пенсия = 1,5 кг масла. Газа нет уже 2 года, квартиры зимой не отапливаются, электричество 1,5-2 часа в сутки... Спасибо за приглашение приехать к вам в гости, но, стыдно признаться, мы не в состоянии заработать на билеты» [2, письмо от 05.06.94]. Вряд ли родителей обрадовал тот факт, что кому-то жить еще тяжелее, чем им.

Между тем, в стране приближались выборы президента. Папа писал: «В Гомеле, как и во всей Беларуси, сейчас, перед выборами президента, политизация достигла высшего накала. Газеты печатают компромат на кандидатов. Кебич якобы уже распределяет портфели в будущем правительстве. На Лукашенко якобы было покушение. На работе, в транспорте, во дворах только и слышны разговоры, кто за кого будет голосовать. Шлю вам программы и биографии наших кандидатов. Ни одного достойного человека» [2, письмо от 20.06.94]. Родители были против как ультралиберала Шушкевича, так и ультранационалиста Позняка. Представители власти не нравились родителям своей принадлежностью к дискредитировавшей себя партхозноменклатуре, а оппозиция – неопытностью и популизмом. В итоге, как известно, 80% , в том числе и папа (после долгих размышлений), проголосовали за Лукашенко. На папу произвело большое впечатление, что Лукашенко был единственным депутатом Верховного Совета, который был против раздела СССР. А мама голосовала за Кебича. «У нас в семье плюрализм», – писала она.

А жизнь продолжалась. Мама вела домашнее хозяйство, папа продолжал служить во вневедомственной охране и много времени уделял работе в качестве председателя совета ветеранов электротехнического завода. Часто можно было наблюдать, как он «летел» на своем велосипеде по ветеранским делам (и это при зрении –13). Все наши попытки ограничить папину общественную активность, в частности, связанную с рискованной ездой на велосипеде, потерпели фиаско, а он продолжал крутить педали еще 10 лет, до 82. Папа писал: «Есть такое высказывание: «Если не я, то кто же?». Правда, в наше время общественная работа кажется вроде бы анахронизмом. Но есть старики, инвалиды, одинокие, и кому как не ветеранской организации им хоть чем-то помочь. Вот и стараюсь по возможности. И чувствую благодарность людей» [2, письмо от 16.07.94]. Ну и, конечно, родители, как могли, старались помочь детям и внукам в далеком Мичуринске.

Родители по-прежнему старались вести здоровый образ жизни. Папа бегал, не расставался с лыжами и коньками, зимой ходил босиком по снегу (недавно я хотел повторить эту рискованную процедуру, но так и не решился). Мама старалась не отставать. Вдвоем они через день, а то и чаще, ходили на прогулки «на ту сторону Сожа». Вот описание одной из таких прогулок в начале января: «Накануне вечером и ночью шел снег. Он не таял, но и не осыпался с деревьев, кустов и травы. Особенно красивы были высокие кустики пижмы с засохшими цветками, сверху покрытые шапочкой снега. И таких шапочек на поле необозримое множество. Нетронутый снег обозначал контуры растений. Когда начали прогулку, был туман, и белое небо сливалось с заснеженным полем. А потом туман рассеялся, посветлело, воздух стал прозрачен, и снежный покров бле-

стел, хотя и не было солнца. Красота неопишная! От такой красоты и душа очищается, и будни жизни уходят на второй план... Как много люди теряют, не общаясь с природой!» [2, письмо от 05.01.94].

Стыдно признаться, но папы нет уже два года, а я только сейчас до конца понял, какой тонкой, романтической душой он обладал. Радуюсь, что в жизни родителей было много счастливых мгновений, часов, дней. И еще подумалось: действительно, как много мы теряем в погоне за благами и статусом, в повседневной суете, бессмысленном зависании у экрана компьютера или телевизора, как важно жить в гармонии с миром, близкими людьми, самим собой.

Наступил 1995 год. Жизнь продолжалась, и мы все пристальнее следили за тем, что происходит в родной Беларуси, пытаясь разглядеть в письмах родителей намеки на какие-то позитивные изменения. Кое-что радовало: заработали некоторые ранее стоявшие предприятия, чуть уменьшилась безработица, не так быстро росли цены, открывались новые магазины, где можно было купить все, что душе угодно (были бы деньги). Для нас, привыкших в Мичуринске к периодическому отключению то газа, то воды, то света (а то и всего вместе), к грязи на улицах и практическому отсутствию общественного транспорта, Гомель казался благополучным и цивилизованным городом (да он и был им).

Но жизнь оставалась очень трудной. На многих предприятиях задерживали зарплату на 2-3 месяца, а то и больше, выплачивали ее не деньгами, а продукцией, полученной по бартеру. Чем только не расплачивался со своими акционерами электротехнический завод, где раньше работали родители: велосипедами, постельным бельем, сахаром, консервами! Все, что можно было продать, продавалось всеми, у кого было что продавать. Несколько коммерческих операций провел и мой папа. Не буду выдавать нехитрые секреты, но однажды семейный бюджет пополнился аж на размер месячной пенсии! (Я, кстати, в это время в Мичуринске, будучи заведующим кафедрой, торговал помидорами с нашей дачи. «Ну что, Александр Львович, довела перестройка?», – с иронией спрашивал у меня на рынке бывший первый секретарь горкома КПСС). Многие молодые (и не только молодые) люди, уволившись с предприятий, отправлялись с дешевой белорусской продукцией в Польшу или Россию. С радостью мы встретили земляков из Гомеля на рынке в Мичуринске, где они торговали обоями, тетрадками, лампочками, трикотажем, сгущенкой. Мы подружались с гомельскими ребятами, которые стали для нас надежным каналом связи с родителями. Наши новые знакомые говорили, что они никогда снова не пойдут работать на государственные предприятия, так как дорожат приобретенной свободой и хотят сами нести ответственность за благополучие своих семей.

Вернемся, однако, в Гомель. Особенно трудно приходилось пенсионерам. Мои родители подсчитали, что одно время их пенсия в сумме составляла 30 (!!!) долларов, в то время как их друзья, уехавшие в Израиль, получали 800. Эмиграция – это вообще отдельная тема. По-разному складывалась жизнь в земле обетованной у наших соотечественников: бывшие инженеры и преподаватели часто устраивались мусорщиками и домработницами, испытывали трудности с адаптацией, но большинство ни о чем не жалело, тем более, что дети и внуки быстро интегрировались в новое общество. А вот Беларусь многое потеряла...

Между тем, белорусские пенсионеры вынуждены были на всем экономить, чтобы свести концы с концами: ведь пенсии в 1995-96 годах почти не повышались, а цены продолжали расти. Дешевые продукты (мясо, масло, сыр) по-прежнему были в дефиците. Было время, когда и хлеб продавали строго по одной буханке в одни руки. Родители давно не покупали ничего из одежды, и мама просиживала вечерами, слепя глаза, за ее штоккой и перелицовкой: «Новые вещи нам не по карману, вот и приходится все время реставрировать старые» [2, письмо от 24.10.95]. Делала это мама виртуозно: заплатки и штокка были практически незаметны. С целью экономии электроэнергии наши «старички» стирали вручную, а не в машине и гладили, нагревая утюг на газовой плите. А вообще родители были большими педантами в быту: квартира убиралась ежедневно, паркетные полы полировались каждую неделю (вот только мастика исчезла), ковры выбивались ежемесячно, гардины стирались раз в два месяца. Интересно, способен ли кто-нибудь сейчас на такие подвиги?

В такие непростые времена очень большую роль играла взаимовыручка, помощь и поддержка родных, знакомых, коллег, соседей. Нам иногда удавалось послать родителям немного денег, какие-то продук-

ты. Они, однако, стремились не оставаться в долгу. А вот как поздравила папу с днем рождения в 1995 году администрация ЭТЗ: зам. директора завода и руководитель технологической группы пришли к родителям домой, вручили грамоту с благодарностью за работу в совете ветеранов, а потом достали из сумки ... «пару селедок, большой кусок сала, два огурца, лимоны, апельсины, бутылку водки, бутылку воды, пачку вафель» [2, письмо от 04.04.95]. Воистину царский подарок, который был тут же и уничтожен! Поддерживали родителей и родственники: мой троюродный брат Толя Романенко и его жена Света.

Вообще трудности показывали истинное лицо людей. Вот зарисовка трагикомической истории. Родители заготовили картошку на зиму, часть оставили у себя, а несколько мешков завезли на хранение хорошим знакомым, у которых в частном доме был погреб. Когда домашняя картошка была съедена, папа отправился за оставшейся частью к знакомым. Однако ничуть не смутившиеся знакомые заявили, что родительскую картошку они съели и предложили компенсацию в 3 раза меньше ее стоимости на рынке. Возмущенный папа отказался. Родители же много времени, внимания и сил уделяли поддержке ветеранов, помощи инвалидам, одиноким старикам, лежачим больным. Таких подопечных было не менее десятка. И еще они возложили на себя миссию ухода за могилами родных, друзей, знакомых, а также родственников, уехавших в эмиграцию. Делали все это родители по велению сердца.

Продолжали волновать родителей, особенно папу, и политические события. Их взгляды были, вероятно, типичными для белорусских граждан, особенно старшего поколения. Папа писал: «Потрясены гибелью Листьева, войной в Чечне, некомпетентностью вашего президента и правительства» [2, письмо от 05.03.95] «Начинаешь думать, когда было лучше и кому: тогда или теперь? Что потеряли и что приобрели, и какой ценой? За кого голосовать на выборах и голосовать ли?... Служал приветствие президента США белорусскому народу в связи с обретением в 1918 году независимостью. Очень не понравилось поощрение Клинтонем самостоятельности в обмен на обещание помощи... А президент Лукашенко снял редактора «Народной газеты» за публикацию, призывающую к конфронтации с Россией и русскими» [2, письмо от 26.03.95]. «Буду голосовать не столько за коммунистов, сколько против новоявленных «демократов», приведших страну к разорению и обнищанию большинства населения» [2, письмо от 21.11.95]. «Много вопросов возникает. К чему наше общество идет и что нас ждет впереди? Конечно, к старому возврата нет, но и новое не особо радует: огромная разница в доходах, пропаганда насилия в кино и ТВ, упадок образования и медицины» [2, письмо от 20.12.95].

Родители по-прежнему увлекались здоровым образом жизни, природой и культурой. Среди перечитанных ими авторов – Достоевский, Чехов, Паустовский, Блок, книга Берберовой о Чайковском, среди полюбившихся фильмов – «Фанни и Александр» Бергмана, «Утомленные солнцем» Михалкова. Любимыми передачами на ТВ были авторские программы Вульфа, Скороходова, Филатова, Радзинского. Тут наши вкусы, как всегда, во многом совпадали.

Тем временем, наша разлука с родителями подходила к концу. 1996 год – год окончания моей 12-летней «командировки» в Мичуринск и возвращения нашей семьи в Гомель. Многие отговаривали нас от этого шага, ссылаясь на неопределенность ситуации, более низкий уровень доходов, радиацию. Однако мы думали по-другому. Желание быть рядом с родителями, которые начали серьезно болеть и нуждались в нашей поддержке и помощи (хотя всячески отрицали это), было главной причиной, побудившей нас к переезду.

Заключение. Таким образом, можно констатировать что документы из семейного архива, в частности письма, позволяют реконструировать на микроуровне повседневную жизнь в Беларуси в 1993-1996 гг. Исследование показало, что население республики в первые постсоветские годы испытывало серьезные социально-экономические трудности, переживало ломку идеологических парадигм, ощущало ностальгию по СССР, активно участвовало в политической и духовной жизни страны.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История повседневности – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI.html – Дата доступа: 14.08.2017.
2. Письма из личного архива автора.

Материал поступил в редакцию 28.09.2017

AIZENSHTADT A.L. Everyday life in Belarus in 1993-1996 (on materials of family archive)

The article attempts to reconstruct everyday life in Belarus in 1993-1996 through the prism of the history of one family on the basis of documents from the personal archive of the author. The study showed that the population of the republic experienced serious social and economic difficulties in the first post-Soviet years, a breakdown of ideological paradigms, felt nostalgia for the USSR, actively participated in the political and spiritual life of the country.

УДК 806.0

Венкович С.В., Бань О.В., Борушко М.В., Копчак Е.В.

ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ТЕСТОВОГО КОНТРОЛЯ

Изучение иностранных языков в техническом вузе предполагает формирование знаний и навыков по всем видам речевой деятельности: чтению, письму, аудированию и говорению. Однако базовым умением, на основе которого формируются все остальные, является чтение. Одним из программных требований при профессионально ориентированном обучении иностранным языкам в техническом вузе является формирование умений и навыков чтения и понимания текстов по специальности в ситуациях поиска смысловой информации. При этом студенты должны уметь владеть всеми видами чтения, предполагающими разную степень понимания прочитанного. В одних случаях они должны полно и точно понимать содержание профессионально ориентированных аутентичных текстов, используя двуязычный словарь, в других – понимать общее содержание текста (70 %) и определять не только круг затрагиваемых вопросов, но и то, как они решаются, либо получать общее представление о теме, круге вопросов, которые затрагиваются в тексте, или искать конкретную информацию (определение, правило, цифровые и другие данные), о которой заранее известно, что она содержится в данном тексте. Многие из этих навыков потребуются будущим специалистам в их профессиональной деятельности, так как они должны уметь, как минимум, подобрать необходимую литературу на иностранном языке и точно понять важную для них информацию, а также быть в курсе достижений в интересующей их области.

На современном этапе развития лингводидактики накоплен богатейший теоретический материал по обучению чтению на иностранном языке, который нашел отражение в трудах таких исследователей, как З.И. Клычникова, Е.И. Пассов, Г.В. Рогова, С.К. Фоломкина и другие [1-4]. Ими разработаны и обоснованы различные подходы к видам и технологиям чтения. Так, за последние десятилетия выделялись последовательно переводное-беспереводное чтение, аналитическое-синтетическое, экстенсивное-интенсивное. По форме прочтения – чтение вслух и чтение про себя, по условиям выполнения – подготовленное и неподготовленное чтение. В настоящее время наибольшее распространение получила классификация видов чтения по степени проникновения в текст, предлагаемая С.К. Фоломкиной, которая делит учебное чтение на изучающее, ознакомительное, просмотровое и поисковое.

Обучение данным видам чтения в неязыковом вузе предполагает использование определенных форм и методик работы с текстами. Формально можно выделить *аудиторную* работу, которая включает работу студентов на учебных практических занятиях под руководством преподавателя и при его непосредственном участии, при этом контроль осуществляется в процессе обучения чтению; и самостоятельную (индивидуальную или групповую) работу на практических занятиях по заданиям и установкам преподавателя. Контроль при этом выделяется в особый прием, который проводится преподавателем после самостоятельной работы студентов над заданным текстом.

Другой формой работы является *внеаудиторная* работа, т. е. самостоятельное чтение, которое определяется как домашнее задание и выполняется студентами сугубо индивидуально.

Поскольку предполагается, что студенты вуза уже владеют ба-

зовыми языковыми компетенциями, во время аудиторной работы в процессе обучения традиционно применяются все виды чтения: изучающее, просмотровое, ознакомительное и поисковое.

Для внеаудиторной работы преподаватели неязыковых вузов выбирают, как правило, методики, соответствующие таким видам чтения, как изучающее и ознакомительное, а остальные виды чтения возможно применять на более продвинутых этапах.

При профессионально ориентированном обучении существенно важными являются проблемы отбора учебных материалов и мотивации. Основными критериями отбора учебного материала и его содержания должны быть не только профессиональная направленность и информативность, но и новизна, отражающая быстрое развитие и инновации данной области человеческой деятельности. Исходя из программных требований и ограниченности аудиторных часов, отводимых иностранным языкам в техническом вузе, на начальном этапе представляется целесообразным предлагать студентам для изучающего чтения тексты по специальной тематике, которые не загромождены сложными грамматическими конструкциями, предложениями с разветвленными определениями и причастными оборотами. Сами тексты должны быть по возможности сжатыми и краткими, разбитыми на отдельные фрагменты, имеющие подзаголовки. Такая организация текстового материала облегчает его визуальное восприятие, способствует быстрому пониманию и запоминанию его содержания. Тематика текстов, предлагаемых для студентов технических специальностей, должна отражать соответствующее научно-техническое направление и знакомить их с основными техническими устройствами, их назначением и функционированием. Работа над текстом, будь то перевод, пересказ, письменное сообщение и др., должна способствовать совершенствованию как общих, так и профессионально ориентированных навыков владения иностранным языком, давать студентам возможность действовать от «своего лица», то есть реализовывать свои личные коммуникативные намерения.

Методы и приемы, применяемые преподавателями иностранных языков в вузах технических специальностей в процессе обучения студентов профессионально ориентированному чтению, зависят от целей и задач, которые поставлены на занятии.

Работа с текстом на занятиях по иностранному языку заключается в извлечении информации в объеме, необходимом для решения конкретной речевой или коммуникативной задачи. И, в зависимости от ситуации и от вида чтения, точность и полнота извлечения информации могут различаться. Так, можно считать желательной нормой для чтения и понимания неадаптированной литературы в неязыковом вузе следующие характеристики:

- 1) при детальном изучении текста – 100% понимания содержания при скорости чтения 50-60 слов в минуту (250-300 печатных знаков) – изучающее чтение;
- 2) при восприятии общего смысла – 70-75% понимания содержания текста при скорости чтения 180-200 слов в минуту (900-1100 печатных знаков) – ознакомительное чтение;
- 3) для определения общего содержания темы текста – 100% понимания содержания при скорости чтения 500-550 слов в минуту

Венкович Светлана Васильевна, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Бань Оксана Васильевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Борушко Марина Викторовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Копчак Елена Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская 267.